

подоконник в Европу

Россия. — 1994. — 9-15 февр. — с. 12.

Коляда на Сахалине

«Находясь под свежим впечатлением возмутительного поступка... (зачеркнуто). Проезжая через эту станцию, я был возмущен до глубины души следующим... (зачеркнуто). На моих глазах произошло следующее возмутительное происшествие... (далее все зачеркнуто, кроме подписи)». «Я знаю, кто это писал. Это писал М.Д.».

А.П.Чехов. Жалобная книга.

Позавчера, случайно, проездом через Гамбург, довелось мне быть свидетелем невероятного происшествия: драматург Н.Коляда вообразил себя А.П.Чеховым. Нет, натурально: А.П.Чехов стоял, задумавшись, посреди Малой сцены Гамбургского драматического театра. За его спиной простирались рельсы железной дороги. Он ехал на Сахалин. Сахалин воплощала на сцене пластическая группа во главе с красавицей-режиссером и хореографом, танцовщицей Вереной Вайс. «На Сахалин» был спектакль-балет.

Но Чехов-Коляда говорил. По-русски.

Сначала он проезжал Сибирь. Сибирь Чехову не нравилась, Коляде, видимо, тоже (иначе с чего бы он надолго поселился в Гамбурге?). Осознанно и проникновенно, как пережитое, он рассказывал от лица Чехова, что за народ в Сибири — косорукий и ленивый. «Народ здесь, в Сибири, темный, бесталанный. Из России везут ему сюда и полушубки, и ситец, и посуду, и гвозди, а сам он ничего не умеет... Даже рыбы ловить не умеет», — убежденно произносил Коляда, понимая, что никто здесь не уличит его в подлоге и не укажет в сочинениях Чехова страницу очерков «Из Сибири», на которой этим словам Петра Петровича возражает... Антон Павлович...

— Какое счастье, что немцы не читали Чехова, не понимают по-русски и, несмотря на виртуозность их сценической техники, вряд ли смогут показать, как в Сибири не умеют ловить рыбу! — подумал я, но тут для наглядности на сцену вышел мужик и стал методично и тупо прибавлять к стенке плоские, которые, конечно, тут же отваливались и звучно падали — на радость гамбургскому зрителю, который прибывает все хорошо и прочно и косоруких жалеет.

На Сахалине, куда приехал Коляда, жили герои чехова: дама с собачкой, человек в футляре, дом с мезонином, спать хочется... Почему они живут и танцуют на Сахалине, по которому изредка проезжает телега с каторжником, могла объяснить только Верена Вайс, но она все время танцевала. Коляде, по-видимому, тоже что-то не нравилось (хоть он и значился в программке соавтором композиции), потому что, начиная с середины спектакля, он как-то разнервничался, разулся и, бегая от лица Чехова по Сахалину босиком, в закатанных брюках, стал повторять один и тот же абзац из «Ариадны»: «...Когда русские сходятся, то говорят только о высоких материях и женщинах. Мы так интеллигентны, так важны, что изрекаем одни истины...» Он просто заходился, истериковал, бесконечно повторяя одно и то же, его не могли успокоить ни дама с собачкой, ни Мисюсю, ни долго и красиво боровшаяся с одеялом героиня рассказа «Спать хочется». Он просто-таки захлебывался в неврастенических криках, а ведь был уже немолод, в пенсне и болен чахоткой. «Когда русские сходятся! Когда русские сходятся!» Он метался босой, не в силах осмыслить окружающей его действительности или хотя бы вступить с нею в контакт. Действительность танцевала отдельно, Чехов-Коляда кричал отдельно. Его было жаль. Я имею в виду Коляду: только большая человеческая нужда могла заставить его вот так играть здесь Чехова, а не писать свои очередные пьесы в родной Сибири, где народ ленив и косорук.

«Да, разошлись, разминутись пути русской драматургии, — думал я. — Чехов ехал на Сахалин, а Коляда в Гамбург...»

Мысли мои прервались. Дело шло к финалу, и Чехов на сцене раскидывал, как и положено приличному писателю, страницы своих рукописей. Когда отшумели аплодисменты, справедливо отданные красавице-танцовщице Верене Вайс (уже давно, как говорят, бредящей русской культурой), я поднял с пола две страницы, исписанные русской рукой...

Их следовало бы воспроизвести факсимильно. «Отчего мы так быстро утомились? Отчего мы так быстро состарились? Почему я так быстро состарился, почему жизнь проносится, как комета — мимо, мимо, мимо. Америка России подарила пароход, огромные колеса, но ужасно тихий ход (зачеркнуто). Вся Россия наш сад. Мы увидим небо в алмазах. Все наши страдания потонут, и наша жизнь станет тихой, теплой, как ласка. Мы отдохнем. Мы увидим небо в алмазах (зачеркнуто). Мы все отдохнем. Отдохнем. Простите меня, люди. Понять и простить. Понять и простить (зачеркнуто). Где жизнь, где выдуманный мир. Не проще ли жить в выдуманном мире... Отчего вы всегда ходите в черном? «Это траур по моей жизни, я несчастна. — Отчего? Не понимаю. Вы здоровы, отец у вас есть... Люди, львы, орлы и куропадки, молчаливые рыбы, словом: все жизни, все жизни исчезли (зачеркнуто), умерли. Я одна мировая душа... Вся Россия наш сад. Вся Россия наш сад. О, сад мой! О, сад мой! В этой комнате я играла (зачеркнуто)... Через триста лет наша жизнь будет прекрасной... Мы встретимся. Мы обязательно встретимся. Иначе мне незачем жить (подчеркнуто)... Огромная моя Россия, несчастная моя Родина, несчастная Россия (перечеркнуто)».

Это, видимо, было все, что вспомнилось в Гамбурге Николаю Коляде, решившему сыграть А.П.Чехова. А В.Вайс вспомнил человек в футляре. Наверное, они хотели сказать, что вся Россия — наш Сахалин, где все смешалось в доме с мезонином...

Какое счастье, что немцы не читают по-русски!

После спектакля приятель — молодой немец, не знающий нашей тоски по лучшей жизни, — свел меня в ближайшее кафе, решив, что ужин развесит мою меланхолию. Есть не хотелось, хотелось, чтобы сошлись мы, русские, и поговорили о...

Передо мной лежало меню. «Kugel», — прочел я.

— Что это?!

— Кутель. Кутель-I, Кутель-II, Кутель-III. Бери, это вкусно.

Плескалось озеро Альстер, скользили яхты. Кому и как здесь, в Гамбурге, мог объяснить я про Кутеля и про Коляду? Разве что самому Коляде, но он, наверное, уже крепко спал.

— Кутель-II, — мрачно произнес я, обращаясь к официанту. Если Коляда вообразил себя Чеховым, мне оставалось только одно: съесть Кутеля.

Кутель-II оказался двумя шариками фруктового мороженого.

М.ПУГЕЛЬ

Александр Кутель (1864-1928) — русский театральный критик. Если в Литинституте нарицательным является имя А.Чехова, то в театральных институтах таково имя А.Кутеля.